

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

И. М. Линдер

ШАХМАТЫ: БЫТ, СЕМЬЯ, ТРАДИЦИИ

Шахматы — одна из немногих известных человечеству игр, которая пережила несколько эпох общественного развития и стала достоянием большей части этносов нашей планеты. Причин тому несколько.

Во-первых, это — общечеловеческая сущность шахмат, удачно совместивших в себе источник спортивных и эстетических переживаний, умственных нагрузок и размышлений, благодаря чему они стали своего рода эталоном возможностей человека, предметом самых разнообразных состязаний.

Во-вторых, способность игры адаптироваться к местным условиям и приобретать национальный колорит, выразившийся, в частности, в изменении названий фигур, специфическом преломлении в быту, художественных промыслах, культурной жизни.

В-третьих, трансформация традиционной народной шахматной культуры, складывавшейся стихийно на протяжении тысячелетия, в область культуры, которая сознательно развивается мастерами, пропагандируется ими и превращается в средство духовного прогресса, взаимообогащения и сближения народов.

Возникнув как военная игра с явно индийскими атрибутами, значительно усложнившись и видоизменившись в первые века нашей эры в регионе Центральной Азии, шахматы затем в известной нам сегодня системе правил стали переходить от народа к народу, являя собой прекрасный пример этнокультурных связей и взаимовлияний¹. К концу I тысячелетия шахматы становятся известными, а вскоре получают распространение и своеобразное национальное развитие в Древней Руси, где игра приобрела народный характер и на протяжении многих столетий развивалась как элемент традиционно-бытовой культуры².

Историко-этнографическое исследование русской шахматной терминологии, археологических находок шахматных фигур в различных культурных слоях почти всех экономико-культурных центров средневековой Руси (Киев, Новгород, Псков, Смоленск, Москва и др.), эпизодов шахматной игры в былинах «Михайло Потык», «Ставр Годинович», «Илья Муромец и Калин царь», «Добрыня и Василий Казимирович», «Садко» и в других произведениях устного народного творчества, а также сообщений иностранцев XVI—XVII вв. с несомненностью подтверждают, что шахматы глубоко укоренились в быту широких слоев народа, что они

¹ См., например: *Савенков И. Т.* К вопросу об эволюции шахматной игры. Сравнительно-этнографический очерк (Оттиск из LXIV кн. «Этнографического обозрения»). М., 1905; *Линдер И. М.* У порога открытия.— *Сов. этнография*, 1975, № 2.

² См. *Линдер И. М.* Шахматы на Руси. М.: Наука, 1975 (2-е изд., дополненное и переработанное).

передавались из поколения в поколение не механически, а развиваясь и совершенствуясь. Об этом, в частности, свидетельствует создание новых типов шахматных фигур в каждую последующую эпоху исторического развития, изменение характера изображения шахматной игры в былинном эпосе, восходящем к Киевской Руси (героический характер поединка) и к периоду XVI—XVII вв., когда поединки русских шахматистов начинают носить чисто бытовой характер.

Тем самым шахматы в конкретном историческом развитии в той или иной стране, в особенности проникновения в быт широких масс, преломления в сознании людей, составляющих данный этнос, приобретают этническое (национальное) своеобразие, самобытность, которые позволяют решать целый комплекс историко-этнографических проблем: соотношение традиции и нового, культуры и психологии народа, этнической специфики, вызванной лингвистическими особенностями и различными традиционно-бытовыми компонентами, и т. д.

Из всего этого в настоящей статье выделяются в качестве основного объекта рассмотрения некоторые бытовые реалии шахмат в сфере семейной жизни. Ибо вопрос этот не подвергался еще специальному исследованию в широком аспекте. А между тем проблема места и роли шахмат в системе семейного воспитания, составляющего одно из направлений этнографических исследований народов мира, представляет интерес и применительно к истории России, и для понимания ряда аспектов современного этапа развития шахматной культуры. Актуальность постановки такой проблемы вытекает, в частности, из отмеченного Ю. В. Бромлеем возросшего в последние годы внимания советских исследователей к вопросам «общественной жизни и семьи, в рамках которой воспроизводятся этнические традиции и формируются многие отличительные черты современного быта»³.

В качестве исходной базы для исследования семейно-бытовой сферы шахматной культуры нам представляется полезным рассмотреть некоторые ее характерные компоненты в жизни представителей русской интеллигенции XIX — начала XX в. Чем вызван такой с первого взгляда неожиданный поворот к теме?

Шахматы на Руси. Функционирование шахмат в семейном быту на протяжении многих веков было тем фактором, который определял связь этой игры с общей традиционно-бытовой культурой. Этот фактор на Руси с X до XVII вв. поддавался фиксации сравнительно слабо. И былинный эпос, и археологические находки шахмат дают в основном материал для характеристики социальной среды и региона распространения игры. Так, например, во время археологических исследований Новгорода на Неревском раскопе (1951—1960 гг.) шахматные фигуры были найдены в культурном слое XV в. почти в каждой из 10 раскопанных усадеб. Эти находки позволяют заключить, что в шахматы играли ремесленники, купцы, бояре, холопы и служители культа. А находка набора 11 фигур простой выделки на территории усадьбы посадника Юрия Онцифоровича (вторая половина XIV — начало XV в.), с семьей которого, кстати, связано около трех десятков найденных берестяных грамот, позволяет предположить, что в них играл не сам боярин, а его дети или челядь⁴.

Немного добавляет в раскрытие специфики этой игры в семейном быту и фольклор, однако отдельные сведения из него можно извлечь. Пожалуй, наиболее интересными в этом плане являются приводимые в былинах эпизоды успешной игры жены Ставра Годиновича Катерины Ивановны (в других вариантах Наталья Владимировна или Василиса

³ Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии М.: Наука, 1981, с. 119.

⁴ Колчин Б., Линдер И. Шахматы в древнем Новгороде.— Шахматы в СССР, 1961, № 8.

дочь Микулична) с киевским князем Владимиром⁵ и рассказ о победе богатыря Добрыни Никитича над Батыем, в котором встречаем, в частности, такую деталь:

С измалехонька Добрынюшка тешился,
С малыми ребятами игрывал⁶.

В целом же и фольклор, и прикладное искусство оказываются сравнительно скудными в передаче обычаев шахматного быта, а тем более специфики самой игры. Все это затрудняет специальное исследование семейно-бытовой шахматной практики и ее связи с этническими особенностями, с устным народным творчеством, бытовыми обычаями и т. д.

Более отчетливо прослеживаются отдельные семейно-традиционные компоненты шахмат в материалах XVI—XVII вв. благодаря сохранившимся рукописным документам — «столбцам» Оружейной Палаты Московского Кремля: в них изо дня в день на протяжении многих лет подробно сообщается о приобретениях шахмат в Овощном ряду у торговых людей или об их изготовлении для царей и членов царской семьи и даже о приглашении на службу в Палату специальных мастеров-ремесленников — «шахматников». Вот, например, один из таких документов о приобретении шахмат для 11-летнего Петра Алексеевича, показывающий истоки его интереса к шахматам на протяжении всей жизни.

«191 (1683) г. апреля в 11 день по указу великих государей боярин и оружейничей Петр Васильевич Большой Шереметьев с товарищи приказали купить в Оружейную Полату к подносным шахматным доскам шахматы точеные, рыбой кости, с шадрою, самые добрые, которые доски писаны в поднос перед святых пасхи нынешнего 191 года.

По наряду из Оружейные Полаты великому государю-царю и великому князю Петру Алексеевичу всеа великия и малыя бедыя России самодержцу для того, что к тем шахматным доскам готовых шахмат в казне великих государей нет и зделать было не из чего, купить тотчас.

И того же числа по сей помете куплены шахматы точеные, рыбой кости, с шадрою и местами позолочены, Овощного ряду у торгового человека у Федора Дмитриева, а по договору за те за шахматы довелось ему дати денег по цене рублю пять алтын с распискою. Запись в расход»⁷.

О культе шахмат при царском дворе еще во времена Ивана Грозного, но особенно в период царствования Алексея Михайловича и Петра I сообщают и иностранные путешественники и дипломаты. Под впечатлением виденного Яков Рейтенфельс, посол Рима в Москве в 1670—1673 гг., писал о системе воспитания царских детей: «Танцы, кулачные бои и другие распространенные у нас благородные упражнения у русских не допускаются вовсе. В так называемые шахматы, знаменитую персидскую игру, по названию и ходу своему поистине царскую, они играют ежедневно, развивая ею ум свой до удивительной степени»⁸.

На различные документы, рисующие яркую картину культивирования шахмат как «игры царской», историки обратили внимание еще в прошлом веке, а в нынешнем столетии они исследовали новые документы⁹.

⁵ Былины (Библиотека поэта). Л., 1954, с. 237.

⁶ Песни, собранные П. В. Киреевским. В. 2, М., 1861, с. 86.

⁷ Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА) в Москве, ф. 396, с. 21334.

⁸ Рейтенфельс Я. Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии. Падуя, 1680 (перевод. с лат. М., 1905, с. 149).

⁹ См. Забелин И. Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетиях. Т. I. Домашний быт русских царей. М., 1862; т. II. Домашний быт русских цариц. М., 1869; Коган М. С. Шахматы в русском быту (глава из книги того же автора. «Очерки по истории шахмат в СССР». М.—Л.: Физкультура и спорт, 1938, с. 29—40); Линдер И. М. Шахматы на Руси, с. 149—152, 156—158, 183, 184.

Но речь идет в данном случае об очень узком круге людей. Изучение придворного быта, интересное для раскрытия некоторых особенностей функционирования шахмат на Руси, позволяет во многих случаях лишь косвенно и в ограниченных масштабах выявить формы их включения в быт народа, их социальную и иную специфику.

На рубеже XVIII и XIX вв. в России наблюдаются два взаимосвязанных процесса в развитии шахмат: с одной стороны, под влиянием ряда явлений в общественной жизни страны, и прежде всего усиления крепостнического гнета, происходит некоторое сужение социальной среды распространения шахмат, с другой — в связи с прогрессом самой игры и ее усложнением на базе традиционно-народной игры возникает новая, более высокая ее ступень. Ее достигают представители дворянской интеллигенции — первые мастера, проявившие не только талант в практической игре, но и стремление научно исследовать и пропагандировать шахматы как вид искусства. Они создают первые шахматные клубы, разрабатывают теорию игры, устраивают соревнования, пишут книги, издают шахматные журналы.

Тенденция рассматривать шахматы как игру, соединяющую в себе черты искусства и науки, хотя и стала оказывать влияние на народную шахматную культуру, в это время еще только зарождалась. Пока что новая тенденция развивалась в условиях господства традиционной игры с ее правилами, формами семейных соревнований и т. п. О сложном характере взаимовлияния традиционного и нового, в частности, свидетельствует бытование шахмат в среде русской интеллигенции. Благодаря резко возросшему количеству и разнообразию источников и литературы, относящихся преимущественно к семейно-бытовой культуре дворянской интеллигенции в XIX в., появляется возможность более или менее широкого, документально обоснованного раскрытия общественной и семейной сферы шахматной культуры. О шахматах в быту русской интеллигенции нас информируют мемуары, дневники, письма, произведения художественной литературы, авторы которых воссоздают сцены шахматной жизни и быта прошлого столетия. Особенный интерес представляют семейно-бытовые архивы ряда выдающихся общественных деятелей и деятелей культуры — революционеров, ученых, писателей, музыкантов, художников и других, на материалах которых можно проследить некоторые характерные черты традиционной семейно-бытовой шахматной культуры. В числе приверженцев шахмат, глубоко ценивших их культурно-воспитательную роль, многоплановость воздействия на человека, были крупнейшие революционеры-декабристы, Н. Г. Чернышевский, В. И. Ленин и многие его соратники, деятели культуры XIX — начала XX в. — А. С. Пушкин, И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой, Д. И. Менделеев, Н. А. Римский-Корсаков, С. С. Прокофьев, И. Е. Репин...

Анализ характера воздействия и диапазона семейно-бытового включения шахмат в структуру жизни и творчества этих представителей культуры приоткрывает завесу над одной из сторон духовной жизни русской интеллигенции и тем самым представляет интерес для изучения функциональных связей шахмат в семейно-бытовой народной культуре.

Включение в традицию. Можно выделить целый ряд функциональных связей бытования шахмат в семье, которые характеризуют органическую связь традиционной культуры с обычаями, с эмоционально-психологическим настроем, с организацией семейного отдыха, с процессом обучения и воспитания детей, с профессиональной, а также социальной, имущественной и т. д. дифференциацией. А в целом все это и составляет тот традиционный быт, который определяет условия творческого функционирования шахмат в семье. Рассмотрение в таком плане — с некоторыми дополнениями, связанными с взаимовлиянием и взаимосвязями семейно-бытовой народной и профессиональной культуры в

XIX в.,— позволяет сделать целый ряд обобщений по затронутой проблеме.

Типовые ситуации и бытовые нормы включения шахмат в семейную традицию, как правило, мало зависят от профессиональной дифференциации. Одинаково сильным может быть влечение к шахматной игре у чиновника и писателя, ученого и музыканта, художника и общественного деятеля. Ибо сила игры, чувство ее красоты, ощущение ее полезности бывает у каждого из них более или менее одинаковым.

Когда же речь идет о принципиальном отношении к шахматам, вызываемых ими ассоциативных представлениях, оценке их роли в духовной жизни общества, в концептуальном подходе к этим проблемам многое зависит от социальной специфики, профессиональных особенностей, общественных взглядов, от того, что стремится найти тот или иной деятель в шахматной игре. Являя собой органический синтез многих компонентов (ныне они определяются традиционной формулой — спорт, наука, искусство), шахматы при сохранении своей общечеловеческой сущности и привлекательности позволяют находить специфические и в какой-то мере особенно близкие стороны представителям самых различных профессий, в частности творческой интеллигенции. Ученые, например, видят в них «гимнастику ума» и прекрасную модель для логических, психологических, математических, кибернетических и других исследований; композиторы — область шахматных комбинаций, поразительно родственную музыке по характеру эстетического мышления; писатели и художники — новый объект для сравнения с жизнью, для отображения некоторых ее характерных сторон и т. д.

Для XIX в. примечательно в этом плане и отношение к шахматам в русской военной, точнее, офицерской среде. Истоки интереса к ним можно увидеть в том, что эта игра в какой-то степени символизирует военные действия. Отпечаток военной игры до сих пор сохранился в названиях фигур, в характере шахматного сражения, в «приемах» и терминах из области военного искусства: «стратегический маневр», «тактический удар», «атака», «оборона», «штурм», «прорывы» в центре и на флангах, «глубокие рейды» коней и мн. др.

Понятно, что ассоциативные представления издавна имели место среди игравших в шахматы военных людей. Еще в Древней Руси этой игрой «тешились» русские богатыри и княжеская дружина, как о том свидетельствует былинный эпос и археологические находки шахматных фигур XII в., изображавших ладьи для боевых действий (Гродно, Волковиск), вооруженных мечами и щитами знатных воинов (Рязань, Берестье) и т. п.¹⁰ Петр I брал с собой в походы кожаную шахматницу, сохранившуюся, кстати, до сих пор в фондах Государственного Эрмитажа в Ленинграде. Игрою увлекался и А. В. Суворов, и участники Отечественной войны 1812 г. Рисуя образы русских офицеров той поры в романе «Война и мир», Л. Н. Толстой неоднократно упоминает и об игре их в шахматы в семейном быту и об аналогиях шахматной игры с военными действиями. Пространное сравнение войны с шахматами, например, приводится в разговоре между Андреем Болконским и Пьером Безуховым в канун Бородинской битвы¹¹.

Однако по сути своей шахматы превратились в весьма абстрактную игру, имеющую свои законы логики, свои эстетические черты. Именно

¹⁰ Воронин Н. Н. Древнее Гродно. М.: Наука, 1954, с. 76; Материалы по археологии БССР. Т. I. Минск: Изд-во АН БССР, 1957, с. 277—278; Даркевич В. П., Монгайт А. Л. Рязанская экспедиция.— Археологические открытия 1969 года. М.: Наука, 1970, с. 71; Лысенко П. Ф. Исследования Брестского отряда.— Археологические открытия 1973 года. М.: Наука, 1974, с. 375.

¹¹ Толстой Л. Н. Война и мир. Т. 3, ч. II, гл. XXV (Библиотека всемирной литературы — БВЛ). М., 1968, т. 2, с. 198—199.

Рис. 1. Шахматные фигуры, кость, XII в.: а — царь (Берестье), б — пешка (Волковыск)

в этом следует искать и корни повышенного внимания к ней со стороны творческой интеллигенции. В начале прошлого столетия И. А. Бутримов, автор первого в России учебного руководства о шахматах, писал, что они составляют любимую игру «славнейших людей: военных, видящих в сей игре науку войны, и мудрецов, находящих ее достойной ума своего»¹².

Хотя декабристы в большинстве своем были военными и потому не были лишены ассоциативных представлений в шахматной игре, возрастающий интерес к ней стимулировался совсем другим восприятием жизни и коммуникативными канонами. Как в теории, так и в бытовом поведении дворянские революционеры стремились резко отгородиться от норм и идеалов людей «века минувшего». Ю. М. Лотман, исследуя психологию поведения декабристов, отмечает суровое осуждение ими всех видов светских развлечений — танцев, волокитства, игры в карты, как знаков душевной пустоты¹³. Декабристы создают тип бытового поведения, основанный на новых нормах — чтение книг и журналов, беседы о высоких материях, вольнодумные разговоры и рассуждения. Ю. М. Лотман, однако, упускает из вида, что они не отказывались при этом от народных игр, что они нашли альтернативу «презренному занятию» — картам именно в шахматах, которые начинают фигурировать наряду с чтением и разговорами как один из главных атрибутов общения, как акт коммуникации в часы досуга. И. Д. Якушкин, например, пишет, что в 1815 г. в Семеновском полку, расквартированном в столице, была организована артель из 15—20 офицеров, которая стала проводить свободное время по-новому: «После обеда одни играли в шахматы, другие читали громко иностранные газеты и следили за происшествиями в Европе, — такое времяпрепровождение было решительно нововведением»¹⁴.

Не изменился характер бытового общения декабристов и в годы сибирской ссылки. Д. И. Завалишин, перечисляя занятия в Сибири — общие чтения, музыкальные концерты, обсуждение политических ново-

¹² Бутримов И. О шахматной игре. СПб., 1821, с. III.

¹³ Лотман Ю. М. Декабрист в повседневной жизни. — В кн.: Литературное наследие декабристов. Л.: Наука, 1975, с. 62.

¹⁴ Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина. М.: Изд-во АН СССР, 1951, с. 9.

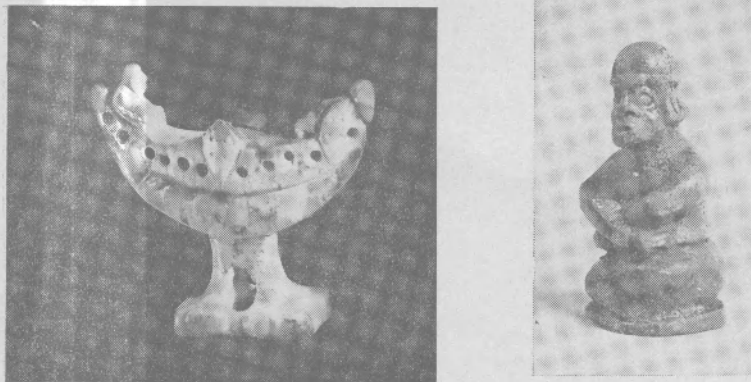

Рис. 2. Шахматные фигуры XII в.: а — ладья, камень (Гродно), б — ферзь, кость (Лукомль)

стей, исследования происшедших событий, добавляет, что много времени отводилось игре в шахматы¹⁵.

Выявление механизма включения шахмат в семейную жизнь, факторы, способствующие такому включению и закреплению игры в бытовой культуре,— задача, во многом трудно решаемая. Факторы эти носят как субъективный, так и объективный характер. Нередко мы можем судить об отношении к шахматам лишь по отрывочным воспоминаниям современников. Так, нет прямых сведений о том, где, когда и при каких обстоятельствах выучился игре в шахматы И. Н. Ульянов, отец В. И. Ленина. Зато почти во всех воспоминаниях его детей говорится о его любви к шахматам, за которыми он часто проводил свободные часы с сослуживцами и родными. Хотя у И. Н. Ульянова был доставшийся еще от отца и бережно хранившийся им комплект шахмат, он и сам, живя в Нижнем Новгороде, мастерски выточил на токарном станке фигуры, которые стали в семье излюбленным шахматным набором и сохранялись более полувека¹⁶.

Больше известно об обстоятельствах увлечения шахматами и об отношениях к ним Л. Н. Толстого, поскольку на протяжении долгих лет его жизни игра эта была одним из обязательных элементов распорядка дня. И потому многие связанные с ней факты и высказанные им мысли о шахматах были зафиксированы современниками в мемуарах. К тому же Л. Н. Толстой в своих письмах, «Дневниках», художественных произведениях не раз касался шахматной темы¹⁷. Изучение этих сочинений, документов и высказываний позволяет заключить, что в разные годы функциональная роль шахмат в жизни Л. Н. Толстого была неодинаковой. В молодости, когда он, в частности, учился в Казанском университете, игра была для него средством развития умственных способностей. Именно этим мотивировал он факт введения шахмат в число обязательных предметов ежедневных занятий вместе с сочинением, иностранными языками и др.¹⁸ В начале семейной жизни и в годы создания эпопеи «Война и мир» — предметом, доставляющим огромное удовлетворение красотой своеобразного творчества. Именно тогда, в октябре 1864 г., Л. Толстой писал брату жены А. А. Берсу: «Играешь ли ты в шахматы? Я не могу себе представить эту жизнь без

¹⁵ Завалишин Д. И. Записки декабриста. 2-е изд. СПб., 1906, с. 274.

¹⁶ См. Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 55 (Письма к родным). М.: Политиздат, 1965, с. 508.

¹⁷ См. Линдер И. М. Л. Толстой и шахматы. М.: Физкультура и спорт, 1960.

¹⁸ Толстой Л. Н. Поли. собр. соч. в 90 томах. М., 1928—1958, т. 46, с. 251—252.

Рис. 3. Л. Н. Толстой за шахматами с М. С. Сухотиним. Наблюдает за игрой жена писателя С. А. Толстая (Ясная Поляна, 1908)

шахмат, книг и охоты»¹⁹. Наконец, в пожилом возрасте Л. Толстой находил в шахматах лучшее средство отдыха. Он говорил: «Я люблю шахматы потому, что это хороший отдых: они заставляют работать головой, но как-то очень своеобразно»²⁰.

Такое же постоянное стремление играть в шахматы и высокую оценку этой игры находим мы с юных лет и до последних дней жизни у Н. Г. Чернышевского. В одной из записок его студенческого «Дневника» от 7 января 1849 г. можно было прочесть: «Весьма хорошо, если бы почаще, думаю, играть в шахматы»²¹. А полтора десятка лет спустя в знаменитом романе «Что делать?», написанном им во время заключения в Петропавловской крепости, в лирическом отступлении автора содержится утверждение о том, что он принадлежит к тем людям, которые «предпочитают гулянью — шахматную игру»²².

Ценностные ориентации. Взгляды Толстого на роль шахмат в жизни человека интересны тем, что они выражают не только личностное, но и более широкое, общее, народное отношение к игре. Шахматы — это прежде всего прекрасное средство тренировки и восстановления умственных сил человека. Такова одна из главных общественно-полезных функций шахмат, которые вместе с другими народными играми²³ на протяжении веков способствовали восстановлению сил человека.

Есть еще одна важная ценностная ориентация шахмат, мимо которой нельзя пройти, — способность человека настолько увлекаться этой игрой, что она позволяет ему легче переносить большие и малые неприятности в жизни, выдержать тяжелые испытания, выпадающие по-

¹⁹ Там же, т. 61, с. 56, 57.

²⁰ Гольденвейзер А. Б. Вблизи Толстого (Записки за пятнадцать лет, 1896—1910). Т. I. М., 1922, с. 257.

²¹ Чернышевский Н. Г. Из автобиографии. Дневник. 1848—1853 гг. Литературное наследие. Т. I. М.—Л., 1928, с. 368.

²² Чернышевский Н. Г. Что делать? М.: БВЛ, 1969, с. 215.

²³ См. Миненко Н. А. Досуг и развлечения у русских крестьян Западной Сибири в XVIII — первой половине XIX в.— СЭ, 1979, № 6, с. 30.

Рис. 4. Д. И. Менделеев (слева) играет в шахматы с художником А. И. Куинджи (Петербург)

рой на долю человека. Это также не раз отмечал Л. Н. Толстой. Он говорил: «За игрой мы отдыхаем от работы и забываем о своих невзгодах»²⁴.

В этой связи следует, например, отметить, что функциональная роль шахматной игры для декабристов в период, предшествовавший восстанию 1825 г., и в тяжелых условиях тюремного заключения, сибирской каторги и ссылки была, естественно, различной. В первом случае она служила средством культурного досуга, после же подавления восстания помогала дворянским революционерам прежде всего сохранить стойкость духа и самообладание²⁵. Впоследствии шахматы служили своеобразным стимулятором жизненной энергии в годы пребывания в тюрьмах и ссылках ряду крупнейших революционеров России XIX — начала XX в.

Столь высокое функциональное назначение шахмат — восстановление умственных и душевных сил — вызывает у людей, любящих эту игру, ощущение, что она составляет такую сферу деятельности, которая вполне сравнима с общественно-полезными делами. Именно в таком духе высказывался Д. И. Менделеев: «Для меня наука, как игра в шахматы. Ну, вот нравится проводить время в таком занятии»²⁶.

Сам же процесс шахматного сражения сохраняется в памяти как одно из примечательных событий в жизни. Характерны в этом отношении строки из письма И. С. Тургенева литератору Е. Я. Колбасину из Спасского от 29 октября 1854 г.: «В шахматы я здесь сражаюсь редко — но удачно. Здесьние господа не подвигаются вперед. Помните священные партии в Петергофе?»²⁷.

В том же духе — письмо В. И. Ленина мужу его старшей сестры М. Т. Елизарову от 28 февраля 1899 г.: «Получил Ваше письмо от 8/11. Ваша партия в шахматы пришла очень кстати. У нас как раз гостили

²⁴ Толстой С. Л. Лев Толстой — шахматист. — Шахматы в СССР, 1940, № 11—12, с. 364.

²⁵ Линдер И. М. Декабристы и шахматы. — «64», Еженедельное приложение к газете «Советский спорт». М., 26—31 декабря 1975, № 52, с. 2, 3.

²⁶ Губкина Н. Я. Воспоминания о Д. И. Менделееве. — В сб.: Памяти Д. И. Менделеева. СПб., 1908, с. 180.

²⁷ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. в 28 томах. М.—Л.: Наука, 1961—1968, т. 11, с. 238.

минусинцы, которые теперь сильно увлеклись шахматами, так что мы сражались с превеликим усердием. Разобрали и Вашу партию»²⁸.

У людей, сильно любящих шахматы, возникают радостные ощущения уже при одной мысли о будущих встречах с друзьями, которые являются достойными для них соперниками. В подтверждение приведем извлечения из писем тех же авторов. Так, И. С. Тургенев писал из Парижа своему приятелю — соседу по имени И. П. Борису 28 января 1865 г.: «С истинным удовольствием мечтаю о том, как мы сразимся в шахматы с Вами на Вашей террасе...»²⁹

Примечательны строки письма В. И. Ленина от 4 апреля 1899 г. матери М. А. Ульяновой и старшей сестре А. И. Ульяновой-Елизаровой. Узнав о том, что за время его пребывания в ссылке резко усилился в игре М. Т. Елизаров, о чем свидетельствовали его выигрыши партий в сеансах в Москве у чемпиона мира Эм. Ласкера и чемпиона России М. И. Чигорина, он писал: «Прочел в „Русских Ведомостях“, что Марк и Чигорина обыграл! Вот он как! Ну, сразимся же мы с ним когда-нибудь!»³⁰

И. С. Тургенев и В. И. Ленин не раз подчеркивали также, что они получают от шахматной игры огромное эстетическое удовольствие. Об этом, например, поведал Владимир Ильич брату Д. И. Ульянову в письме из Парижа от 17 февраля 1910 г., в котором писал: «Задачку твою я решил легко. Л.d8 — d6. А вот в «Речи» увидел сегодня этюд, который решил не сразу и который мне очень понравился... Положение такое: белые Кр.g3. К.g1. Сл. e7 и пешки h5 и d3. Черные Кр. e3 и пешки h7, d5 и a2 (т. е. последняя за ход до превращения в королеву). Белые начинают и выигрывают. Красивая штучка!»³¹

Высокие оценки шахмат в жизни человека делают понятным возникающее у приверженцев этой игры стремление привить любовь и привязанность к ней многим близким людям — родным, друзьям, знакомым... Известно, например, несколько случаев в жизни В. И. Ленина, когда он обучал игре своих друзей и приятелей еще в Самаре, а затем, находясь в сибирской ссылке в селе Шушенском, — жену Н. К. Крупскую, крестьянина П. Т. Строганова и учителя В. П. Стародубцева³².

Фактор консолидации. Обращает на себя внимание важное функциональное назначение шахмат в семейном быту — в определенной мере они способствуют более глубокому взаимопониманию родственных общностей, служат фактором консолидации семьи. Порой они могут составить даже один из элементов семейного счастья, особенно когда жена не только с пониманием относится к шахматной привязанности главы семьи, но и сама не чужда этой игры. Недаром А. С. Пушкин, когда узнал, что жена его, Наталья Николаевна, тоже увлечена этой игрой, писал ей в сентябре 1832 г.: «Благодарю, душа моя, за то, что в шахматы учишься. Это непременно нужно в каждом благоустроенном семействе; докажу после»³³.

Приобщение женщины к шахматам, служа ярким подтверждением равных с мужчиной потенциальных возможностей в сфере умственной деятельности, стало в России одной из традиций семейного быта. Еще в былинах и русских народных песнях был создан стереотип женщины-шахматистки, побеждающей мужчину³⁴. В XVII—XVIII вв. шахматы

²⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 144.

²⁹ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем, т. V, с. 334.

³⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 155.

³¹ Там же, с. 308—311.

³² Центральный партийный архив Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ), ф. 72, оп. 3, ед. хр. 678. См. также Линдер И. М. В часы досуга.—«64», 17—23 апреля, 1970, с. 2.

³³ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М.: Изд-во АН СССР, 1948, т. XV, с. 33.

³⁴ См., например, Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М.—Л., 1958, с. 95, 96.

специально поставлялись в женские хоромы царского дворца, где игра эта пользовалась успехом³⁵. Позднее о том, что шахматы были в почете среди женщин в дворянском семейном кругу, сообщают в своих произведениях Пушкин («Евгений Онегин»), Тургенев (повесть «Несчастливая»), Достоевский (роман «Идиот») и другие писатели. На дошедшем до нас рисунке художника И. С. Бугаевского, относящемся к 1818—1819 гг., среди зрителей, заинтересованно наблюдающих за ходом шахматного поединка в домашней обстановке, — две женщины³⁶.

Можно считать закономерным поэтому тот факт, что в ряде семей русской интеллигенции увлечение шахматами главы семьи встречало полное понимание у женской половины. Женщины в этом случае не только не считали эту игру бесполезным времяпрепровождением, не только не сердились на мужей за их страсть к «деревянным фигуркам», но, напротив, стремились создать максимум уюта во время игры супруга с родными, друзьями, знакомыми и сослуживцами. Имея в связи с домашними заботами мало времени для активного участия в шахматных баталиях, они, однако, осознанно следили за перипетиями игры. Ведь еще в юности будущую жену великого писателя Софью Андреевну приобщил к игре отец, известный московский врач А. Е. Берс, и в пору первого знакомства с Л. Н. Толстым она нередко играла с ним в шахматы³⁷. А мать В. И. Ленина Мария Александровна, тоже обученная игре в шахматы своим отцом А. Д. Бланком, в последние годы жизни, уже освобожденная от многих семейных забот, нередко проводила за шахматной доской часы досуга с младшей дочерью³⁸. Кстати, Мария Ильинична была лучшей шахматисткой в женской половине семьи Ульяновых, с ней в последние годы жизни нередко играл в шахматы В. И. Ленин³⁹.

В значительной степени способствует консолидации семьи, созданию в ней особой теплоты, счастливого настроения увлечение шахматами следующего поколения. Обучение отцом (изредка матерью) игре в шахматы своих детей стало одной из форм их духовного общения и в какой-то мере их духовной близости. Л. Н. Толстой приохотил к игре почти всех своих сыновей и дочерей. Еще более примечателен в этом отношении пример семьи Ульяновых. И. Н. Ульянов привил любовь к игре всем своим сыновьям — Александру, Владимиру и Дмитрию. Научились играть и все дочери — Анна, Ольга и Мария.

К функции семейного единения, как мы видим, примыкает тем самым еще одна важная и социально значимая функция шахмат — воспитательная. Понимая пользу шахмат, отцы стремятся научить этой игре и привить любовь в ней детям, по мере возможности садятся с ними за доску и испытывают особую радость, когда сыновья становятся более сильными, чем они, шахматистами. Так было и в семье Л. Н. Толстого, где старший сын Сергей превзошел своего учителя, и семья с гордостью предложила его в качестве партнера приехавшему погостить в Ясную Поляну И. С. Тургеневу⁴⁰. Аналогичный случай имел место и в семье Ульяновых, когда Илья Николаевич, убедившись в превосходстве над ним Владимира, сказал однажды, что пора уже свести его за шахматной доской с сильнейшим в то время шахматистом Симбирска (Н. Д. Ильиным)⁴¹.

³⁵ См. *Линдер И. М.* Шахматы на Руси, с. 150.

³⁶ Государственный Русский музей в Ленинграде. Отдел рисунка № 12082. См. также *Линдер И. М.* У истоков шахматной культуры. М.: Знание, 1967, с. 125.

³⁷ *Кузминская Т. А.* Моя жизнь дома и в Ясной Поляне (Воспоминания). 3-е изд. Тула, 1959, с. 78.

³⁸ Переписка семьи Ульяновых. 1883—1917. М.: Политиздат, 1969, с. 291.

³⁹ Воспоминания племянника В. И. Ленина В. Д. Ульянова. Архив автора.

⁴⁰ *Сухотина-Толстая Т. Л.* Друзья и гости Ясной Поляны. М., 1923, с. 13; см. также *Толстой С. Л.* Очерки былого. Тула, 1965, с. 327.

⁴¹ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. В пяти томах. Т. I. Воспоминания родных. М.: Политиздат, 1968, с. 105.

После возвращения из ссылки любил играть со своими сыновьями в шахматы Н. Г. Чернышевский⁴².

Передача игры из поколения в поколение была основой не только сохранения навыков шахматной игры и распространения шахмат, но и в определенной мере прогресса шахматной культуры. Эта традиционная линия семейного быта сохранила свое значение до сегодняшнего дня. Именно родители привили с раннего детства любовь к игре многим выдающимся шахматистам нашей страны. Так, А. Д. Петров (1794—1867), первый мастер России, в своих воспоминаниях писал: «Отец мой довольно хорошо играл в шахматы. Он показал мне ходы шашек (фигур. — *И. Л.*) и первоначальные правила игры. Семи лет я играл изрядно»⁴³. О том, что отец был их первым учителем в игре, сообщают и многие выдающиеся шахматисты нашего времени — экс-чемпион мира В. В. Смыслов, чемпион мира А. Е. Карпов и другие советские гроссмейстеры⁴⁴.

Стандарты общения. На почве традиционной семейной культуры в России издавна развивались формы общественного шахматного быта. Первые упоминания о шахматной игре как детали быта, как средства отдыха воинов, их своеобразной тренировки в шахматных баталиях перед встречей с врагами Руси мы находим еще в былинном эпосе:

На том раздольице чистом поле
Собирались тридцать богатырей без одного,
Сидят молодцы в белом шатре;
В белом шатре белополотняном,
Сидят молодцы, забавляются,
Играют в шашки-шахматы,
Во тыи велеи золоченыя⁴⁵.

К XVII в. относятся два сообщения иностранцев о шахматных увлечениях русских, приезжавших в составе посольства в Италию (1656 г.) и Францию (1685 г.). Члены этих свит в свободные часы и дни играли друг с другом в шахматы⁴⁶.

В начале XVIII столетия Петр I стремился ввести шахматную игру на дворянских ассамблеях. Сохранились сведения о его игре на ассамблеях, устраивавшихся у А. Д. Меншикова, адмирала Ф. М. Апраксина, юстиц-президента сенатора А. А. Матвеева, Б. И. Куракина и других сановников. После смерти Петра I, правда, стала все более заметной тенденция в высшем свете заменять шахматы азартными карточными играми. Но все же иностранцы продолжают еще отмечать сравнительно широкое бытование шахмат в русском обществе. Особенно интересно сообщение английского путешественника и историка У. Кокса о шахматах в Москве, относящееся к 1772 г.: «Шахматы настолько распространены в России, что во время нашего пребывания в Москве мне почти не приходилось бывать в обществе, где бы гости не были заняты этим развлечением. И даже проходя по улицам, я часто наблюдал торговцев и простых людей за этой игрой перед дверями их лавок и домов»⁴⁷.

⁴² Саратовский листок, 1889, Саратов, № 234; Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников. Т. I. Саратов, 1958, с. 22.

⁴³ Петров А. Д. Краткий очерк моей шахматной жизни. — Шахматный листок. СПб., 1860, № 16, с. 90.

⁴⁴ См. Смыслов В. В. В поисках гармонии. М.: Физкультура и спорт, 1979, с. 5—7; Карпов А. Девятая вертикаль. М.: Молодая гвардия, 1979, с. 18.

⁴⁵ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Ч. I. Народные былины, старины и побывальщины. М., 1861, с. 103.

⁴⁶ Бумаги Флорентинского центрального архива, касающиеся до России. М., 1871, с. 12, 13, 187; Летописи круглого окна (хроника частных апартаментов двора и гостиных Парижа) Тушара Лафосса. Т. II. СПб., 1873, с. 125.

⁴⁷ Coxe W. Travels in Poland, Russia, Sweden und Denmark. Pt I, 5-ed. London, 1802, p. 384.

В начале и середине XIX столетия все более отчетливо выявляется стремление отдельных любителей шахмат, проникшихся пониманием общественной роли игры, расширить рамки семейного общения, — они приглашали сильнейших шахматистов города и устраивали у себя дома, в своих квартирах широкие встречи и состязания. Шахматные собрания устраивали в 20-х годах прошлого века в Петербурге чиновники и литераторы Н. П. Брусилов, Д. О. Баранов, В. В. Погодин и др. В конце 1830-х годов шахматисты столицы собирались у А. Д. Петрова, в начале 50-х годов — у мастеров И. С. Шумова, Д. С. Урусова и др. К сожалению, современники сообщают мало бытовых деталей об этой ставшей стереотипной форме общения. Известно только, что игра велась на нескольких досках, заранее договаривались об условиях состязания, для чего составлялись особые уставы, результаты фиксировались в тетрадях и т. д. В воспоминаниях А. Д. Петрова (1860 г.) мы находим, например, следующие подробности о собраниях у В. В. Погодина: «В 1821 году познакомился я с Василием Васильевичем Погодиным. У него были шахматные собрания. Число членов небольшое, но между ними были игроки сильные, как то: Павел Николаевич Дегай, Николай Иванович Бахтин, Андрей Андреевич Корнеев, Токарев, Петерсон, Розен... Собирались два раза в неделю: по средам и пятницам. Устав шахматных собраний и книги, в которых записывалось, кто с кем играл и какой был результат, и теперь еще хранятся у меня. Эти собрания много содействовали распространению в С.-Петербурге шахматной игры.

Кроме дней урочных я бывал у Василия Васильевича и в другие дни и состязался с ним в шахматы. Малютка, дочь его, садилась на софу и играла шашками (фигурами.— *И. Л.*), которые снимались с доски»⁴⁸.

И 30 лет спустя И. С. Шумов примерно в том же духе проводил собрания у себя на квартире. В письме от 14 декабря 1850 г. он писал в Москву И. В. Киреевскому: «Ныне у меня по субботам бывают шахматные собрания, вчера играли на трех столах и еще оставались резервы, недоставало только Вас да Кронеберга, о чем мы искренне сожалели»⁴⁹.

И еще одна немаловажная бытовая деталь: за этими партиями шахматистов нередко заинтересованно наблюдали зрители — родные, друзья, знакомые. В одной из дневниковых записей того же И. С. Шумова есть такой штрих: «1851 г. марта 24. Я пригласил в 8 час., а собрались ранее. Что это значит? Отчего такая исправность?... Оттого, что А. Д. Петров обещал быть... В ожидании как будто какого-нибудь чрезвычайного представления все заботились о том, чтобы удобнее было видеть шахматное поле и стол посреди комнаты...»⁵⁰.

В дальнейшем именно такого рода шахматные собрания привели к созданию первых в стране шахматных клубов со своими официально утвержденными уставами, регулярными состязаниями и т. д. Число членов клуба составляло уже несколько десятков, а то и более 100 человек. В числе их были представители разных слоев интеллигенции, различных общественно-политических взглядов, разных областей культуры. Это было особенно характерно для петербургского шахматного клуба 1862 г., членами которого были такие известные писатели, поэты, критики, публицисты, как Н. Г. Чернышевский, Д. И. Писарев, П. Л. Лавров, Н. А. Некрасов, А. Ф. Писемский, Н. Г. Помяловский, Ф. М. Достоевский, В. С. Курочкин, А. Н. Апухтин, А. Г. Майков, уче-

⁴⁸ Линдер И. М. А. Д. Петров — первый русский шахматный мастер. 2-е изд., дополненное и переработанное. М.: Физкультура и спорт, 1955, с. 218, 219.

⁴⁹ ЦГАЛИ СССР, ф. 236, ед. хр. 148, л. 3.

⁵⁰ Линдер И. М. Художник шахмат И. С. Шумов. М.: Физкультура и спорт, 1959, с. 32.

ные — химик Д. И. Менделеев, историк М. И. Семевский, экономист И. В. Вернадский и многие другие⁵¹.

Эти клубы носили уже чисто общественный характер, и их организаторы с большим трудом добивались у царского правительства разрешения на открытие. Поскольку материальную базу составляли только добровольные взносы, клубы существовали недолго. Поэтому еще в конце прошлого и в начале нашего века шахматные собрания продолжали устраивать в семьях, где царил дух увлечения игрой и где встречались сильнейшие шахматисты города. Эти собрания происходили не только в столице, но и в Москве, и во многих провинциальных городах.

В Ярославле, например, семейные баталии с участием нескольких сильнейших шахматистов города бывали на квартире Д. С. Урусова, оставившего Петербург еще в начале 1860-х годов⁵².

В Москве одним из таких небольших центров шахматной культуры стал дом в Старо-Хамовническом переулке (ныне улица Льва Толстого, 21), куда регулярно приезжала на зимний период с начала 1880-х годов семья Л. Н. Толстого. Сюда приходили и проводили свой досуг за шахматами известные в ту пору московские шахматисты С. С. Урусов, пианист А. Б. Гольденвейзер, профессора Н. В. Бугаев, С. А. Усов, английский журналист Э. Моод... Они играли не только с Л. Н. Толстым, но и нередко с его сыновьями — Сергеем, Львом, братом жены писателя А. А. Берсом⁵³.

С полным основанием можно назвать шахматными собраниями вечера на квартире Ульяновых в Самаре, где семья жила в 1889—1893 гг. «В самарский период, — писала впоследствии Мария Ильинична, — у нас в доме процветала игра в шахматы. Хорошо играли и Владимир Ильич, и младший брат Дмитрий Ильич и Марк Тимофеевич (Елизаров. — И. Л.). Сильного партнера нашли они в лице А. Н. Хардина, который был первоклассным шахматистом. У нас на квартире нередко устраивались шахматные вечера»⁵⁴.

Известно, что такого рода собрания шахматистов устраивались в Самаре и на квартирах у А. Н. Хардина и у большого любителя шахмат народника Н. С. Долгова. Некоторые бытовые подробности этих собраний содержатся в воспоминаниях Д. И. Ульянова. Он рассказывает, например, об устроенном зимой 1889—1890 гг. самарскими шахматистами турнире с участием восьми — десяти человек. «Играли, давая фигуры вперед, так как участники были разной силы. В первой категории (разряде) был один Хардин, во второй — Владимир Ильич и еще один игрок, остальные — в третьем и четвертом разрядах. Победителем турнира вышел Владимир Ильич. Первый приз был что-то около 15 рублей. Никакой вещи они не купили, и один из участников принес призеру эти деньги. Владимир Ильич категорически отказался их взять, и по его предложению они были пожертвованы на что-то»⁵⁵.

Семейные шахматные собрания стали в XIX и начале XX в. характерным, традиционно передававшимся из поколения в поколение стандартом общения шахматистов России. Кстати, они вполне соответствуют определениям «стандарта общения» и коммуникативного поведения Б. Х. Бгажноковым: «Национально-культурные стандарты общения

⁵¹ См. Таубин Р. А. К вопросу о роли Н. Г. Чернышевского в создании «революционной партии» в конце 50-х — начале 60-х годов XIX в. — Исторические записки. Т. 39. М.: Изд-во АН СССР, 1952, с. 59—97.

⁵² Линдер И. М. У истоков шахматной культуры. М.: Знание, 1967, с. 274.

⁵³ Толстой С. Л. Лев Толстой — шахматист. — Шахматы в СССР, 1940, № 11—12, с. 361—364.

⁵⁴ Ульянова М. И. О В. И. Ленине и семье Ульяновых. Воспоминания. Письма. Очерки. М.: Политиздат, 1978, с. 42.

⁵⁵ Ульянов Д. И. Воспоминания о Владимире Ильиче. 3-е изд., дополненное. М.: Политиздат, 1968, с. 43.

стереотипны, чрезвычайно устойчивы, многие из них действуют почти без изменения в течение сотен лет, сохраняя на себе отпечаток древней культуры»⁵⁶.

Однако это вовсе не означает, что не возникали условия для появления новых стереотипов общения. Шахматы способствовали расширению рамок общения и выходу за пределы круга родных, друзей и близких знакомых, а также преодолению половозрастных, профессиональных, социальных и национальных дифференциаций. Шахматисты из дворянской интеллигенции, например, охотно играли со своими слугами, крепостными и другими «простолюдинами», когда среди них встречались сильно игравшие в шахматы. Предметом специального исследования могут явиться и межэтнические контакты в области шахмат. Пока что мы судим о них в основном по заимствованиям правил игры, названий фигур и их конфигурации. Ничтожно мало сохранилось прямых свидетельств о конкретных контактах на почве шахматной игры. Вот почему, например, так значителен по своей этнографической ценности рассказ об игре в шахматы декабристов с проводниками-бурятами во время их следования в ссылку. Хотя правила игры у бурят несколько отличались от европейских, да и шахматные фигуры имели другой облик⁵⁷, они очень быстро нашли в этой игре «общий язык» с русскими и вполне выдержали экзамен. Вот что сообщает А. П. Беляев, выступая в данном случае не только в роли мемуариста, но и этнографа: «Буряты имеют страсть к шахматной игре и на дневках около юрт всегда составляли шахматные партии... Некоторые из этих зайсанов играли с нами и играли так хорошо, что один из наших лучших игроков Ник. Вас. Басаргин первую партию проиграл. Нужно было видеть общий восторг, когда буряты увидели своего победителем». Следующую партию выиграл Басаргин⁵⁸.

Традиционное и новое. Семейно-бытовая сфера шахмат в среде интеллигенции, оставаясь в XIX в. в своей основе традиционной, начинает испытывать влияние зарождавшейся профессиональной шахматной культуры. Из студенческих дневников Н. Г. Чернышевского 1849—1852 гг. известно, что он в годы учения в Петербургском университете штудировал учебник А. Петрова⁵⁹. И. С. Тургенев в те же годы собрал прекрасную шахматную библиотеку и тщательно изучал теоретические труды и журналы. Многие из этих книг, испещренные карандашными пометками писателя, до сих пор сохранились и находятся в мемориальном музее И. С. Тургенева в г. Орле⁶⁰.

В целом, однако, профессиональное влияние было в начале и середине XIX в. еще мало заметным. Например, И. Н. Ульянов играл хорошо благодаря большому навыку в этой игре и природным способностям, шахматной теорией он не занимался. Л. Н. Толстой в молодые годы усвоил первые ходы распространенных тогда среди любителей шахмат открытых дебютов, главным образом королевского гамбита, и на этом его теоретические познания в основном закончились.

Иную картину можно было наблюдать в тех же семьях в следующем поколении. В естественном стремлении превзойти своих отцов сыновья прежде всего в шахматных книгах находили тот источник, который позволял им быстро, экономно и с наибольшим эффектом освоить стра-

⁵⁶ Бгажников Б. Х. Коммуникативное поведение и культура (К определению предмета этнографии общения). — Сов. этнография, 1978, № 5, с. 7.

⁵⁷ Савенков И. Т. Указ. раб., с. 12—17.

⁵⁸ Беляев А. П. Воспоминания декабриста о пережитом и прочувственном. 1805—1850. СПб., 1882, с. 179.

⁵⁹ Новиков А. Шахматы в жизни и творчестве Чернышевского. — 64, Шахматы и шашки в рабочем клубе, 1928, № 13—14.

⁶⁰ Линдер И. В Орловском музее Тургенева. — Шахматисты России, 1968, № 6, с. 8, 9.

тегию и тактику игры. Старший сын Л. Н. Толстого Сергей, получив в подарок от С. С. Урусова шахматную литературу, приступил к ее систематическому изучению. 21 февраля 1876 г. Л. Н. Толстой писал из Ясной Поляны своему другу: «Сережа был в восторге от ваших книг и изучает их»⁶¹. В дальнейшем С. Л. Толстой играл настолько хорошо, что принял участие в организованном газетой «Новое время» в 1900 г. турнире по переписке, где, встречаясь с рядом известных шахматистов, показал знание теории и остроумную игру.

Включение элементов профессиональной шахматной культуры в быт семьи Ульяновых началось со стремления Александра и Владимира превзойти отца и, возможно, сверстников в силе игры, для чего они приобрели и стали штудировать учебник шахматной игры. Об этом впоследствии В. И. Ленин рассказывал Н. К. Крупской⁶². Встречи с мастером А. Н. Хардиным на рубеже 80—90-х годов углубили интерес его к шахматам. И хотя последующие годы жизни, всецело отданные делу революции и строительству нового государства, оставляли В. И. Ленину мало досуга для шахмат, он сохранил на всю жизнь и влечение к ним, и интерес к общественной шахматной жизни, за которой следил по страницам общей, а порой специальной периодической печати⁶³. В том же духе протекало увлечение шахматами его младшего брата Д. И. Ульянова, который проявил, в частности, большой интерес к шахматной композиции и даже опубликовал в печати одну из своих задач⁶⁴.

Так, благодаря влиянию профессиональной шахматной культуры проникали в семейный быт русской интеллигенции новые веяния, отразившие прогресс шахматного искусства России в XIX—начале XX в. В целом, однако, семейно-бытовая сфера шахмат сохранила традиционный характер. Прежде всего это находило выражение в функциональной роли шахмат, которые, как уже отмечалось, служили средством отдыха и восстановления сил. Продолжали сохраняться в быту некоторые атрибуты, возникшие на протяжении многовекового развития шахмат и составившие их этническую специфику на Руси. В этой связи представляют интерес, в частности, этнолингвистические аспекты традиционных шахмат. Еще в XVII—XVIII вв. в России под влиянием Запада и утвердившегося в бытовой шахматной практике типа абстрактных фигур вошли в обиход новые термины — «король», «королева», «тура», «офицер», которые стали затем широко употребляться в народной среде наряду с более древними названиями — «царь», «ферзь», «ладья», «слон». В XIX в. первые шахматные мастера, стремясь сохранить древнерусскую терминологию, пользовались лишь ею (кроме термина «царь») в своих книгах и статьях. В итоге произошла неожиданная метаморфоза: терминология, имевшая тысячелетнюю давность, стала языком профессиональных шахмат, а «вторичные» названия фигур приобрели традиционный народный характер (и до сих пор не вышли из употребления). Были они и в обиходе семьи Ульяновых. В. И. Ленин и Д. И. Ульянов в разговорной речи, а иногда в статьях и письмах пользовались ими наряду с общепринятыми в литературе⁶⁵.

⁶¹ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. М., 1953, т. 62, с. 249.

⁶² Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. М., 1957, с. 33; см. также Сахаров Н. И. Книга из библиотеки Ульяновых. — Шахматы в СССР, 1970, № 5, с. 2.

⁶³ См., например, в ЦПА ИМЛ запись секретарей и библиотечарши Ш. Н. Ману-чарьянц от 14 января 1923 г. Здесь среди книг и журналов, запрошенных В. И. Лениным, значился и журнал «Шахматы» (№ 3—4), начавший незадолго до того выходить в Москве.

⁶⁴ См. «Нива», Литературные и популярно-научные приложения. СПб., 1909, № 3, с. 533, задача № 16.

⁶⁵ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 311; Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 1, с. 104, 105, 242.

* * *

Шахматная культура отличается необычайной широтой функциональных связей и ценностных ориентаций. Хотя сама шахматная игра носит межэтнический или интернациональный характер, тем не менее во многих своих гранях и связях она выражает определенные черты духовной жизни данного народа и поэтому как часть духовной культуры должна рассматриваться в историко-этнографическом плане. В частности, глубокое проникновение шахмат в быт русской интеллигенции, характер взаимосвязи семейно-бытовой шахматной культуры с профессиональной представляют собой этническую специфику шахматной культуры России XIX—начала XX в., способствовавшую, с одной стороны, ее развитию как области традиционной культуры, с другой — заметному прогрессу шахматного искусства в целом, созданию отечественной шахматной школы как одной из ведущих школ мира.

В сфере шахмат интеллигенция России явилась, таким образом, выразительницей лучших черт народных традиций, которые были ею не только сохранены, но и развиты в новых условиях семейного быта и общественной жизни. Это служит еще одним подтверждением общего вывода в области этнографии, сделанного Ю. В. Бромлеем: культура и быт различных входящих в этнос групп людей в той или иной мере характерны для всего этноса⁶⁶.

Изучение семейно-бытовой шахматной культуры показывает, что предметом этнографического исследования может быть не только крестьянское, но и городское население⁶⁷. Более того, сбор сведений, выявление характерных черт традиционной культуры, в частности, в такой духовной сфере, как шахматы, может производиться не только в народных массах, но в «интеллектуальной элите»⁶⁸. Последняя служит в данном случае превосходным информатором для исследования всей традиционно-бытовой шахматной культуры, выделения из нее профессиональной культуры, а также их последующего взаимовлияния.

⁶⁶ Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973, с. 205—213.

⁶⁷ Козлов В. И. Этнос и культура.— Сов. этнография, 1979, № 3, с. 81.

⁶⁸ См. Арутюнов С. А. Этнографическая наука и изучение культурной динамики.— В сб.: Исследования по общей этнографии. М.: Наука, 1979, с. 33—39.